

Недавно он возил Ли Шаша сдавать кровь, и никак не ожидал, что результаты придут так быстро. Ли Сяньфу, разумеется, не стал отказываться и, чтобы выразить благодарность, снова подошел к гуциню:

— Что бы ты хотел послушать?

— Любую, — отозвался Цинь Цзинь.

Посчитав свой ответ слишком отстраненным, он бросил взгляд в окно. Атмосфера в комнате была приятной, а ночной пейзаж — завораживающе красив, поэтому он добавил:

— Что-нибудь с добрыми пожеланиями.

Пожелания счастья и долголетия из года в год... Ли Сяньфу ненадолго задумался и с пылом исполнил для него композицию «Забыть ли старую любовь».

— ...

От автора: Цинь Цзинь: «Я больше никогда в жизни не скажу слово “любую”».

Из-за мелодии «Забыть ли старую любовь» Цинь Цзинь этим вечером уснул с трудом.

В глухую пору ночи он медленно открыл глаза. Из сада доносилось слабое мяуканье. Цинь Цзинь поднялся с кровати, подошел к окну и заметил у фонтана чей-то силуэт.

Достав из выдвижного ящика фонарик и накинув лишь легкую куртку, он спустился вниз.

В три-четыре часа утра дул пронизывающий холодный ветер. Мяуканье кошки, казавшееся днем ласковым и милым, под порывами ночного ветра походило на всхлипы. Не боясь испугнуть незваного гостя, Цинь Цзинь, едва выйдя в сад, включил фонарик и направил луч света на человека, сидевшего у фонтана.

Оказавшись в ярком пятне света, хрупкое тельце Ли Шаша вздрогнуло. С мертвенно-бледным в свете луны лицом он произнес:

— Доброй ночи.

— ...В это время тебе полагается спать у себя в комнате.

— Я размышляю, — Ли Шаша поднял голову, устремив взгляд в бескрайнее звездное небо.

Сегодняшняя игра в туху напомнила ему о прошлом. В те времена он смотрел на мир глазами Ли Сяньфу, и со временем неизбежно привязался к увиденному. Красивая глазурованная черепица, красные стены и белый снег зимой, простые горожане, играющие на обочинах в туху... Все эти картины казались происходившими буквально вчера.

Цинь Цзинь относился к Ли Шаша со снисхождением. Заведи кто иной подобные туманные разговоры, добром бы это не кончилось, однако он поддержал беседу:

— О чем же ты размышляешь?

— О судьбоносном браке папы.

— ...

— Тебе этого не понять, — сказал Ли Шаша.

В те времена воздух за воротами поместья всегда был наполнен ароматами: каждый день напудренные и намушкуемые сваты приходили с предложениями о браке. Сваты из одного дома, из другого — они выстраивались в очередь, так что шлейф косметики не успевал рассеяться. Ворота открывались и закрывались многократно за день, а их скрип настолько раздражал, что Ли Шаша одно время порывался изобрести для них рулонные ворота. Поговаривали даже, что когда Императрица набирала наложников, у каждого из мужчин в чертах лица имелось хоть какое-то сходство с Ли Сяньфу.

К сожалению, в то время и Бог Войны, и Канцлер питали к Ли Сяньфу симпатию, поэтому, чтобы не сеять раздор между правительницей и подданными, все молчаливо предпочитали сохранять статус-кво.

— Множество факторов убили в нем стремление к чувствам, — неторопливо произнес Ли Шаша. — Гиперчувствительное отторжение, напротив, доказывает наличие психологического груза.

Сказав это, он снова посмотрел на Цинь Цзиня:

— Ты... не поймешь.

— ...

В воспоминаниях Цинь Цзиня у Ли Сяньфу был далеко не самый кроткий характер, но в этот миг он изменил свое мнение. Имея рядом подобного ребенка, немудрено обрести ангельское терпение.

Ли Шаша внезапно поднял откуда-то принесенный ветром лепесток, размял его подушечками пальцев и огорошил внезапным предложением:

— Я могу попробовать помочь тебе пробить эту бумажную перегородку.

Цинь Цзинь прищурился. Ли Шаша повернул к нему лицо:

— По сравнению с другими ухажерами, ты кажешься мне самым подходящим.

В его словах звучала полная уверенность в том, что Цинь Цзинь равнодушен к Ли Сяньфу, хотя сам Цинь Цзинь не обмолвился об этом ни единым словом.

Цинь Цзинь не ответил и не стал отрицать. Он тихо стоял на месте и спросил:

— И в чем же моя подходящность?

— В сравнении с ухажерами-мужчинами ты финансово независим, а в сравнении с ухажерами-женщинами — блюдешь чистоту и держишь себя в руках.

— ... — Цинь Цзинь умолк. Ему обычно не было свойственно любопытство, но сейчас он все же не сдержался: — И кто же эти ухажеры?

Выражение лица Ли Шаша стало сложным. Помолчав, он пристально посмотрел на него:

— Тебе... никогда не понять.

— ...

Появление солнечных лучей провозгласило наступление нового дня, но Цинь Цзинь опередил события и дал Ли Шаша понять, что значит «понимать».

Он доложил о ночных похождениях ребенка, который вместо сна сидел в одиночестве в саду.

Поскольку перед уходом Цинь Цзинь сделал фотографию на телефон — против вещественных доказательств не попрешь — Ли Шаша не смог ничего возразить. С самого утра Старик Ли вызвал его на долгую беседу по душам и всё допытывался, почему мальчик несчастен.

Ли Шаша:

— Я счастлив.

Старик Ли:

— Нет, ты несчастен.

Разговор затянулся на полчаса. Проведя изрядную психологическую работу, Старик Ли наконец соизволил отпустить его. Ли Шаша, будто получив помилование, схватил портфель и поспешно спустился вниз.

Хотя Цинь Цзинь и подставил его, с учетом того, что тот давал ему расписки ради игры в набрось кольцо, Ли Шаша всё же решил отплатить добром за зло и сдержать свое ночное обещание.

У Ли Шаша была феноменальная память. Раньше он часто брал поиграть телефон Ли Сяньфу и давно знал весь список контактов наизусть. Набрав номер на смарт-часах, он дождался ответа лишь со второй попытки.

Цинь Цзинь как раз ехал в служебном автомобиле в компанию. Едва связь установилась, как раздался голос Ли Шаша:

— Ты можешь спросить у папы... Когда в дождливый день напоминаешь кому-то одеться потеплее, когда, потеряв память, всё равно готов доверять, а при необходимости — сражаться плечом к плечу и вверять свою спину, что это за чувство?

Он говорил не спеша и очень тихо, но в его голосе звучала неопровержимая убедительность:

— Гарантирую, папа даст четкий ответ.

Школьный автобус уже подъехал, так что Ли Шаша не стал ждать ответа и сам сбросил звонок.

После уроков в школе неожиданно объявили генеральную уборку.

Котая скучное время, Ли Шаша набил руку в кручении тряпки, точно артист с платком. Когда уборка закончилась, за окном уже сгустились сумерки.

Он ни с кем не кооперировался и шагал в одиночестве в угасающих лучах заката. Подойдя к воротам школы, он слегка опешил.

Окинув взглядом улицу, он не увидел домашней машины, но заметил знакомый автомобиль.

Стекло опустилось, и раздался узнаваемый голос Цинь Цзиня:

— Садись.

Ли Шаша все еще попытался отыскать взглядом семейного водителя.

Цинь Цзинь:

— Твой отец предупредил, водитель уже уехал.

Услышав это, Ли Шаша подумал, что Ли Сяньфу тоже внутри, и открыл дверцу, но заднее сиденье оказалось пустым.

Поняв его замешательство, Цинь Цзинь пояснил:

— Узнав, что у вас уборка, твой отец не стал ждать и уехал на такси.

— ...

Ли Шаша пристегнул ремень безопасности, сгораемый любопытством по другому поводу:

— Днем вы были вместе?

Цинь Цзинь кивнул:

— Заезжали в лабораторию, забрали для тебя специальный костюм.

В салоне звучала спокойная инструментальная музыка. Ли Шаша помнил, что Ли Сяньфу любил эту мелодию. Он спросил:

— О том, что я говорил утром... ты спросил?

Цинь Цзинь вел машину. Возле школы он ехал медленно и лишь выбравшись на основную дорогу, тихо откликнулся:

— Хм.

Ли Шаша поторопил:

— И что потом?

Цинь Цзинь бросил взгляд в зеркало заднего вида:

— Он сказал, это отцовская любовь.

— ...

Ли Шаша замолчал, подспудно желая, чтобы радио играло громче и заглушило эту неловкость.

— У меня есть еще одна идея... — когда машина въехала на тенистую аллею, глубокомысленно произнес он. — Выяснить все чужими устами.

Подробностей плана он раскрывать не стал.

Цинь Цзинь уверенно держал руль, в его голосе не слышалось ни малейшего волнения:

— Ты так усердно пытаешься нас свести, неужели без задней мысли?

У Ли Шаша на все имелось свое мнение:

— В жизни папы не хватает страсти. Возможно, ты сможешь дать этому хорошее начало.

— А если все пойдет не так, как задумано?

Ли Шаша подпер голову рукой и уставился в окно:

— Тогда найдем следующий инструмент.

— ...

Осознав, что выразился не слишком вежливо, он тут же выпрямился и извинился:

— Прости, в последнее время я слишком часто сижу в интернете, нахватался сетевого сленга.

Цинь Цзинь не принял близко к сердцу то, что задумал Ли Шаша. Со вторника он был загружен работой до предела.

Недавно кое-кто пытался устроить любовный скандал, который закончился фразой «я осквернен», но другие дела только начинались. Цинь Цзинь действовал за кулисами и предоставил злоумышленнику выбор: либо тот убирается обратно за границу, либо история с тем, как он устроил ловушку с соблазнением, раздуется до скандала. Организатор выбрал первый вариант.

Человек ушел, но рынок остался. С новыми партнерами уже удалось договориться, и в последние дни Цинь Цзинь был занят завоеванием доли рынка.

Со среды по пятницу он больше ни разу не переступал порог Семьи Ли.

В субботу у Ли Шаша был день рождения, и Цинь Цзинь всё же выкроил время, чтобы приехать.

Роскошный особняк утратил привычное величие: под потолком парили милые цветные шарики, а Старик Ли специально нанял мастеров, чтобы в срочном порядке сделать объёмные макеты замков. Куда ни глянь — повсюду царила атмосфера детского праздника.

<http://bllate.org/book/18300/1757185>